

ЕЁ СЛОВО ДОБРОМ ОТЗОВЁТСЯ

5 мая 2017 года исполняется 60 лет со дня рождения одного из самых ярких ярославских писателей прошлого и настоящего И.Е.Бариновой.

Юбилейные торжества в областном центре и других городах нашей области начались, как и следовало ожидать, загодя, отдать дань памяти любимому поэту решили многие и многие почитатели её творчества, поклонники настоящей литературы.

Первый такой вечер памяти в этом году состоялся 28 марта в библиотеке им. Некрасова при огромном стечении народа, кому близко и памятно это незаурядное, чрезвычайное явление в культурной, литературной, творческой жизни – поэт Ирина Баринова, поэт-патриот, поэт-гражданин.

Впрочем, вечер, о котором идёт речь, следует назвать музыкально-поэтическим, поскольку на стихи Ирины Бариновой написано множество песен известными в стране композиторами. В Ярославле на её стихи положили музыку Вячеслав Тихонов, Лев Булатов, Валентина Павлова, Сергей Коппель и другие. Вот и в этот день украшением праздника в исполнении Валентины Малышевой и Валентины Ковалёвой на музыку Николая Матвейчева, аккомпанировавшего им на баяне, прозвучали давно полюбившиеся ярославцам песни на стихи замечательного поэта.

Со своим взглядом на творчество Ирины Бариновой выступила библиотекарь И.Х.Шихваргер. Воспоминаниями о встречах с талантливым человеком, верным другом и очаровательной женщиной поделились известный художник О.П.Отрошко, руководитель лито «Раёк» Л.В.Кокуёва, поэты Т.И.Галиц и М.К.Сборщикова, профессор Т.В.Дадианова. Мать поэта Ольга Николаевна привела выдержки из статей и заметок о творчестве Ирины Бариновой и прочитала стихи, посвящённые её дочери.

В канун юбилейного дня рождения поэта хочется поговорить о ней и её творчестве подробнее, хотя материалов для пытливого ума и зоркого сердца довольно много.

Вряд ли найдётся тот, кто не слышал хотя бы имя этой восхитительной, уникального дарования женщины, покинувшей в январе 2008-го воспетый ею мир.

Согласитесь, не редкость для большого таланта – смерть в расцвете сил. Но в череде бесконечных потерь эта – одна из самых горьких и невозполнимых. Её любили, ею восхищались, при ней было легко и радостно.

Не хочется говорить об Ирине Бариновой в прошедшем времени. Да и неверно: слово-то её живёт, вдохновляя, волнуя и радуя. И всё чаще о ней говорят как о живой. Почему? Да потому, что все её произведения – стихи, рассказы, очерки – высочайшего художественного уровня, наполнены светом и теплом, чистотой и ясностью, устремлены к жизни. По органике, по огранке, по творческому своеобразию, по изяществу и пластике письма, по внутренней свободе и полному отсутствию даже намёка на какую-либо конъюнктуру, её стихи и проза могут быть приравнены к высшим образцам отечественной литературы. Её художественное слово по-прежнему завораживает. Она была и остаётся энергетическим полем, пробуждающим и объединяющим нас на духовном, на возвышающем уровне. К ней в полной мере можно отнести слова В.Личутина: «Поэзия выбирает себе верных духовных певцов».

По чувству слова и языка ей мало отыщется равных. Основа её поэзии – тонкая и гибкая мелодика стиха. Как природный поэт, она живёт внутренним ритмом, улавливая чутким сердцем то, что нашёптывает ей Господь. Её строки сразу остаются в памяти, узнаются по неповторимой интонации, по всему, что именуется словом Поэзия. В связи с этим не удержусь от совета: читайте Ирину Баринову – душеполезное дело, избавляющее нас от пустословия!

Вот её строки – изящные и безыскусные, мудрые и простые одновременно:

Не дай нам бог оторванным листом
скитаться одиноко по чужбинам,

где самый сытый и роскошный дом
не станет ни родным и ни любимым.

Или это:

Но в тайных мыслях я повинна
(Вот глупости-то в самом деле):
Хочу, чтоб встречные мужчины
Мне вслед восторженно глядели.

Последнего, если честно, Ирине хватало. Никогда не забуду, как группа ярославских журналистов во главе с Ю.И.Барышевым буквально оцепенела, наблюдая, как она шествует по улице Терешковой в красной шляпке и сереньком пальтеце. Смеялась, выводя созерцателей из шока: «Друзья мои, прекрасен наш Союз!». (Она была ещё и профессиональной журналисткой). Конечно, она знала силу своего обаяния, но никогда не придавала этому значения, никогда не использовала «в личных целях». Наоборот, была скромна и даже застенчива. На первом месте, не считая семью, для неё всегда было творчество. Но она всегда оставалась женщиной – и в творчестве, и в жизни. Была сильной и независимой, но открыто признавалась и в слабости. В одном из ранних стихов пишет: «Я одного боюсь: вдруг кто-то / Меня решится пожалеть». А вот – через годы:

Так хочется, чтоб кто-то пожалел,
Устала быть разумной, деловитой,
Отвлечься б от больших и малых дел,
Пожить бы простодушно и открыто.

И если надо, выплакаться всласть,
Всё рассказав о горестях и бедах,
Влюбиться, растеряться, запропасть
И яблока запретного отведать...

Дорогого стоит такая исповедальность, не каждому это под силу.

Ей вообще было многое по плечу. Если за что-то бралась, доводила дело до конца. Сначала «по долгу службы», а потом и по душе стала искать, находить и встречаться с ветеранами Великой Отечественной, писать о них статьи и очерки. И меня заразила этим. Помню, иронично, но терпеливо наблюдала за тем, как я беру интервью у легендарной разведчицы С.П.Аверичевой или у Героя Советского Союза Ю.И.Сироткина. Любила стариков. И они её искренне любили. Бывало, на творческих встречах раза три просили прочесть «Перед ушедшими вина...», «Солдат», «Разговор соседок», «Старик восьмидесяти лет...» или «Две остановки ехала в трамвае...». А стихотворение «Дефицит доброты...» почти всегда вызывало слёзы на глазах не только у пожилых, но и молодёжи. А как ждали люди стихов о любви - «Мы расстаёмся под крик журавлиный...», «Не дари мне серёжек рубиновых...» и других! А как смеялись над её тонким, ненавязчивым юмором, над самоироничными «Несерьёзными размышлениями» («Была в прошлой жизни я птицей...»), «Было три мужа у бабки Настасьи» или «Баней» («Целый день для милой Мани...»), над озорным «На виду у всей деревни...»!

Не ставя своей задачей рассказать об Ирине Бариновой лишь как о поэте, не отважусь говорить о ней вне творчества. Разделить эти два понятия в отношении её – жизнь и творчество – невозможно. Жизнь, творчество, судьба женщины-поэта – так бы я обозначил направление своего повествования, его параметры и рамки.

Сначала о стихах. Они у Ирины Бариновой лишены надрывного пафоса, велеречивой зауми. Об их простоте и ясности я слышал от самых разных людей и поражался: нашли,

чем восхищаться – простотой, когда сплошь и рядом авторитеты с текстами, через которые не пробьёшься к смыслу. И все хвалят друг друга. Затем понял, что если «всё понятно, всё на русском языке» - это и есть высшее достижение. Писать просто сложнее, чем «мудрствуя лукаво». И творчество Ирины, общение с ней послужило началом понимания своего места в литературе, отношения к творчеству как к «святому ремеслу», обретения своего голоса, своей манеры, формы и стиля письма.

Да, стихи Ирины просты, но не простоваты, легки, но не легковесны. Они запоминаются неожиданной точностью и глубиной образа, пронзительной искренностью и, пожалуй, главным – сердечной, душевной открытостью. Даже распахнутостью. И не случайно это редкое сочетание глубины и «неслыханной простоты» рождает ответное читательское чувство, доверие и благодарность. Повторю мысль В.Кожина, высказанную в отношении Н.Рубцова: «Кажущаяся лёгкость поэтического дыхания не должна ввести нас в заблуждение. За этим стоят и большая работа сердца, и известное мастерство». В общем, ох, как всё непросто!

Вот я вся тут. Уж едва ли
Предо мной кто устоит.
...Если бы вы только знали,
Как душа моя болит.

Обаяние и лёгкость интонации свойственны всей Ириной поэзии. Стихи её, написанные в традиционной русской форме, всегда новы и дадут сто очков вперёд любому нынешнему модернисту. Любую книжку читаешь с нарастающим интересом, с удивлением и восторгом. Читаешь и чувствуешь – личность. Её и любили как личность, поэта «живого, а не мумию».

Она раньше многих увидела, почувствовала, поняла всю мерзость и подлость постперестроечных лет. Удивлялся точности её характеристик в отношении людей и событий. А она улыбалась и повторяла любимое из Экзюпири: «Главного глазами не увидишь, зорко одно лишь сердце».

Она избежала мстительного зломыслия, когда проблемы личной жизни и пороки собственной природы списывают на «обстоятельства». По природе она была абсолютно честным и справедливым человеком. Но она была, повторюсь, человеком-творцом, человеком-художником. А это, особенно для женщины, да ещё столь обаятельной и талантливой, груз немалый. Это – крест. Под конец жизни она всё чаще заговаривала на эту тему. Не случайно, наверное, и венок сонетов с названием «Жизнь» родился.

Кстати говоря, по просьбе Ольги Николаевны, матери Ирины, расшифровывая «Жизнь» поразился количеству вариантов, тщательности и скрупулёзности работы над словом, над строкой, над строфой. Довольно объёмистая записная книжка сплошь исписана сонетами, причём такого качества, что бери любой – и не ошибёшься.

Да, она всегда была беспощадно строга к себе, принципиально требовательна к своему творчеству. Но и другим спуску не давала. Особенно тем, в кого верила. Говорила об одном ярославском сочинителе, листая его очередную книгу: «Талантлив, но у него ледяное сердце. Вся поэзия у него какая-то вымороченная. Высокомерие в каждой строке. Он Кай, и литература рано или поздно накажет его, как Снежная Королева». Сейчас можно сказать, что всё так и произошло – наказан господинчик «из чингизидов, к тому же с горячей татарской кровью», хотя не спешит признаться себе в этом. А поэт – в очередной раз оказался пророком.

Она была естественна и открыта для всех и каждого, кто хоть в чём-то нуждался. Готова была отдать последнее, бесконечно «участвовать в судьбе», помогать словом и делом. Многие состоявшиеся поэты и сегодня с гордостью называют себя учениками Ирины Бариновой. И это – высокая оценка, знак качества, фирменная марка, гарантия подлинности.

Возьмите любую её книгу, и сразу можно сказать, что это тонкий и глубокий лирик, точно чувствующий звук и форму. И ещё: мудрая горечь, еле уловимая печаль – вот, на мой взгляд, основная интонация её поэзии последних лет. Даже в тех стихах, где невозможно удержаться от смеха. Или там, где она беспощадна к «младошакалам», к антинародному режиму. Будучи, как уже говорил, человеком предельно искренним и честным, она не скрывает ни своей любви, ни ненависти. Из стихотворения «Бойня»:

Опять посылают мальчишек под пули,
Опять матерям и отцам не до сна.
В который же раз наш народ обманули!
Скажите, кому эта бойня нужна?..

Насколько могу судить, в последние лет пять Ирина всё чаще обращается к социальной теме. Нет, поэтический язык её не изменился, он по-прежнему ярок и лиричен, не утратил образности и чистоты. Но в её голосе появились суровые нотки, заставляющие тревожно стучать сердце. Как известно, во все времена большие поэты живо откликались на любые общественные катаклизмы. И не была бы она Ириной Бариновой, если бы уподобилась позиции лизоблюдов и оборотней, ещё вчера во все лопатки восхвалявших коммунизм, а нынче угодливо согнувшихся – чего изволите-с? – у пьяного стола олигархической камарильи. Лакейство и холуяж всегда были ею презираемы. Она могла жить, лишь прямо смотря в глаза людям.

Всё меньше на улицах женщин беременных,
Всё больше на улицах нищих старух,
Всё больше растерянных, просто потерянных
Средь распрей, разлада, и войн, и разрух...

Поэт Ирина Баринова никогда не изменяла своим принципам, оставаясь верной нелёгкой судьбе честного художника. Патриотизм для неё, в отличие от пустобрёхов-перевёртышей, никогда не был понятием абстрактным. Но она никогда не позволяла себе опуститься до газетного скулежа и визга в отстаивании своих позиций, как это делали иные вчерашние коммунисты. У неё было своё верное, надёжное и безотказное оружие – Слово.

Вороньё над Россией кружит,
Солнце доброе, щедрое застит.
А Россия распятой лежит,
Лихолетью открытая настезь...

Стихотворение написано под впечатлением от картины «Чёрный ворон над моей землёй» замечательного ярославского художника Олега Отрошко, с которым её связывала тесная человеческая дружба. Убеждён, мало у кого из нынешних поэтов достанет таланта и смелости так же открыто и честно выразить душевные переживания миллионов сограждан поруганной Родины. Эти строки навсегда вписаны не только в русскую поэзию, но и в историю Отечества. И если дети или внуки спросят нас: где мы были тогда, о чём думали, что переживали, а мы не найдём своих слов, то в помощь нам – слова поэта.

Ирина не была избалована вниманием властей предрежущих. И для неё это – благо. Чиновники от культуры, активно участвовавшие в «незамечании» поэта Ирины Бариновой, приватизировавшие право распоряжаться судьбами людей и творческих коллективов, интересны ей были лишь в том плане, чтобы написать «Убиение ярославской культуры не состоялось», «Творцы и чиновники», «Шабаш прилитературных

лакеев» и другие яркие статьи об истинном положении вещей в связи с узурпацией духовности в Ярославле и России.

И недруги с наветами
Влезают в жизнь мою.
...Но теми обогрета я,
Кого сама люблю.

И пусть не поубавится
Завистников и зла,
Но верю, что останется
Душа моя чиста.

Ирина знала, что говорит. Как истинный поэт, она была провидцем, и точно определила место в жизни и себе, и «недругам с наветами». Где они сейчас? Они, вроде, есть, но их как бы и нет. А через год-другой и вовсе исчезнут из памяти народной. А Ирина – была и будет всегда.

Конечно, бедственное положение, в котором оказался настоящий писатель, а не строчкогон, и её не обошло стороной. Но острооточенное перо мастера всегда оставалось быстрым и лёгким, мысль свежа и динамична. Давнее душевное притяжение к её стихам, не ослабевшее за десятилетия, даёт мне право говорить, что Ирина Барина принадлежит к тем большим русским поэтам, кто наиболее талантливо пишет «на злобу дня», не тая в душе ни капельки злобы. Боль – да, злобы – нет. Не раз говорила: «Митинговые кричалки – это не стихи, не поэзия. Не обольщайся, если в ответ тебе восторженно вопит целая площадь. Помни Кульчицкого, сказавшего: «Я б запретил декретом Совнаркома писать о Родине бездарные стихи». И вообще, «быть знаменитым некрасиво...».

Знаменитой она быть не стремилась. Но всё-таки была таковой. Не просто популярной, а именно знаменитой. Отмахивалась, правда, от такой характеристики, но не очень активно. Известный в стране композитор Григорий Пономаренко, прочитав в журнале «Юность» поэтическую подборку молодой ярославской поэтессы, написал цикл песен на её стихи, которые часто звучали по всесоюзному радио. Кобзон и сейчас нет-нет да исполняет её песню «Не дай нам Бог» («Не дай нам Бог оторванным листом...»). Сам слышал, как Иосиф Давыдович говорил, что это одно из самых глубоких музыкально-поэтических произведений в его репертуаре. Плодотворным оказалось творческое содружество с череповецким композитором Геннадием Митяевым – написано более двадцати песен, вышедших на аудио- и видеодисках. Ярославский композитор Вячеслав Тихонов в 2012 году выпустил альбом с нотами на стихи Ирины, озаглавив его «Рябиновые бусы». И по сей день песни на её стихи с неизменным успехом исполняются на концертах и творческих вечерах самого высокого уровня и масштаба. Но первым композитором, с которым Ирину свела судьба, была Людмила Горячева. Имею право сказать, что буквально до последнего вздоха Людмила Геннадьевна пропевала стихи любимого поэта.

Её путь в литературе лёгким не назовёшь. Впрочем, есть ли такие среди больших художников, о ком можно сказать иначе?! Да, успех, популярность, народная любовь – всё это, как говорится, не отнимешь. Но кто-то хоть раз поинтересовался, какой ценой это достигнуто? И в мыслях, полагаю, ни у кого не было спросить эту на вид успешную и жизнерадостную женщину, как у неё дела. Никто и не сомневался в том, что у неё всё легко и просто. И мало кому известно, что буквально всё в её жизни достигалось большой, кропотливой и постоянной работой. О душевных тратах говорить вряд ли стоит в силу банальности, но сколько бессонных ночей за плечами, сомнений, отчаяния, - и не счесть!

Во все годы ей хватало как искренних почитателей, так и тех, кому не нравился её максимализм, а чаще – просто правда, которая всегда требует мужества. И то сказать,

ярким и талантливым людям всегда жилось несладко. Зависть, травля, интриги, предательство при жизни всегда сопровождали тех, чьё творчество было востребовано и любимо народом.

Богатая литературная жизнь позволила Ирине Бариновой создать великолепные воспоминания о встречах и дружбе с великими поэтами – А.Сурковым, Л.Ошаниным, от которого получила рекомендацию в Союз писателей, В.Боковым, Ю.Друниной, Н.Старшиновым, Е.Исаевым, Е.Савиновым. Чрезвычайно интересны и познавательны её эссе и очерки о М.Цветаевой, И.Бунине и других знаменитых писателях. Никогда не забуду наши визиты к «великим старикам» Ю.А.Ефремову, В.А.Замыслову, В.В.Рымашевскому, В.Ф.Московкину, А.В.Коноплину, И.А.Смирнову, В.А.Лебедеву. И все они, словно сговорившись, восклицали при виде Ирины: «Наше солнышко пришло!». Кстати, Владимир Александрович на своей книжке «Зори и зарева» оставил ей такую дарственную надпись: «Ирине Бариновой, самой талантливой, самой честной и самой смелой поэтессе нашего ярославского края. С пониманием и уважением Вл. Лебедев. 12 октября 2006 г.».

У Расула Гамзатова есть такие строки: «Свет далёкой звезды ещё тысячу лет к нам доходит». Пройдёт время, от большинства людей, в том числе и от тех, кто пытался усмирить и приручить писателя Ирину Баринову, останется лишь тире между датами рождения и смерти. Но к её бессмертным строкам будут приходить и приходить люди, вчитываться, удивляться, восхищаться воспетой ею красотой.

В архиве у Ольги Николаевны хранится письмо, адресованное талантливой дочери композитором Григорием Пономаренко в не лучшие для Родины и творческих людей время. Оно начинается так: «Милая, талантливая девушка с ямочками на щёчках! У нас – счастье: полкниги твоих чудесных стихов я положил на музыку! Это удивительно! 9 марта по теле Вероника Журавлёва их будет петь. Тут влюблённые в тебя «бабы» хотят написать тебе письмо. Соображаю, как позвать тебя к себе в гости и показать по телеку. Я очень доволен своей работой с тобой. Дай Бог нам!..». Здесь же приписка Вероники Журавлёвой, народной артистки России: «Ирочка, уже вся наша Кубань поёт песни Г.Пономаренко на стихи И.Бариновой. Какая там замечательная музыка! И точно такие же потрясающие женское сердце стихи. Я так полюбила эти стихи и песни, что иногда кажется, что они со мной были всю жизнь. По телевизору отсняли фильм-концерт «Любить не приневолю» на твои стихи, аккомпанировал сам Григорий Федорович... Дай Бог, чтобы мы встретились!».

Встречи не произошло. Дверь закрылась. Ушёл человек, оставив после себя светящийся след непрдуманной, природной, как разряд грозового электричества, поэзии. Живы и поются её стихи. Ну, а если так, то жив и автор.

Ирина никогда не понижала планку творчества и никогда не следовала поэтической моде. Её читатель всегда оставался верен ей, как и она ему.

И не приходится сомневаться, что имя Ирины Бариновой в отечественном искусстве останется навсегда, будет звучать всё громче и весомее, всё ярче и живительней будет исходить от него свет, всё нужнее оно будет людям.

Евгений ГУСЕВ,
член Союза писателей России